

Чёрный квадрат

Повесть

ТЫ ЗНАЕШЬ, я ведь всё-таки забрала тогда твои видеокассеты и диски из этого дома, я тебе не сказала, но забрала. Смотрела их все по нескольку раз и не только их. Пыталась понять, почему всё это так. Зачем? Кому всё это было нужно?

Прости меня, но ведь ты мне так и не ответил, а я хотела знать.

Это случилось когда-то давно или когда-то совсем недавно.

Когда я смотрю эти плёнки, то, кажется, что совсем недавно — вот только сейчас, здесь. А когда вспоминаю о числах и начинаю считать — то оказывается, что давно.

Впрочем, может, это никогда и не заканчивалось, а происходит до сих пор, но уже не с нами, а с кем-то другим.

* * *

Я хотела тогда стать модельером. Мне нравилось рисовать. У меня получалось, а я ничего особенного для этого не делала. Это выходило как-то само собой. Я не училась в художественной школе. В детстве не относилась к этому

всерьёз и не думала о том, кем я стану, а когда надумала — было уже поздно идти в художественную школу, да и подобной школы поблизости от меня не было, а ездить было лень, да и возить меня было некому. Зато один знакомый моего отца согласился заниматься со мной. Он был художником. И я даже не знаю, как он сумел тогда что-то во мне разглядеть. У меня ведь было всего-то несколько детских работ. И ни о перспективе, ни о точках схода, ни о тени — ни о чём об этом, я не имела не малейшего понятия. Ему пришлось учить меня практически заново. И он научил всему, что знал сам.

С такой подготовкой я легко поступила в колледж после девятого класса. Мне, как и большинству, не хотелось оставаться в школе.

* * *

Уже на первом курсе, у нас проводился конкурс. Нужно было придумать модель из нетипичных материалов на любую из трёх тем: «Мой любимый литературный герой», «Мой двадцать первый век», «Моя любимая картина в Третьяковской галерее».

Таких конкурсов будет ещё много, но этот был первый. Глаза у всех загорелись, это был реальный шанс засветиться. На такие конкурсы, как и на показы выпускников, приезжали

знаменитые модельеры и дизайнеры, набирали себе рабочую силу.

Мы тогда ещё столького не знали, и мы тогда ещё верили во всё.

Уже на следующий день говорили только о том, что можно придумать на конкурс. И когда вспомнили про третью тему, начали перечислять картины, и кто-то пошутил — «Черный квадрат». Вот тогда мне и пришла в голову эта идея.

Со мной в одной школе учился негритёнок. Его звали Джон, он приехал сюда из Португалии. Ребята в школе над ним частенько издевались и даже били, засовывали его в мусорный контейнер, так вроде бы в шутку. А девчонки наоборот — жалели его. Он жил рядом со мной в старом двухэтажном доме. Там раньше обитало много приезжих. Они снимали комнату и жили там десятером, а иногда и больше, спали на полу.

Мы с девчонками часто встречали его по пути из школы и шли вместе. И всё время пытались его расспросить о том, где он жил, о языке, о людях, да и так просто. Он говорил, что помнит мало, что приехал сюда в пять лет с отцом, а мать осталась там и сюда приезжает очень редко, на своем родном языке он тоже почти ничего не помнил, но как-то мы всё-таки добились от него, как будет «Я тебя люблю» — он сказал: «Га на нуль ги ё». Не знаю, точно ли я воспроизвожу или нет, я старалась запомнить. Он ещё что-то говорил на своем языке, но этого я не помню.

Его точного адреса я не знала, только дом и, может быть, подъезд. К тому же давно его не видела. А мне было необходимо уговорить его быть моей моделью для конкурса. Он часто бывал на стадионе, играл в футбол и хоккей, ездил на сборы. Мы весь вечер просидели там, но никого так и не дождались. И уже когда шли обратно, стали свидетелями следующей сцены, которая теперь вспоминается, как анекдот.

У моего подъезда сидели мальчишки и стреляли из пневматики по банкам. И вдруг в темноте показалось ведро, будто бы летящее по воздуху само по себе, и непонятно откуда раздался голос:

— Эй, рэбьята, нэ стрэляйте, дайтэ йа прайдун!
Это был Джон.

Он ходил выносить мусор, поэтому и шёл с ведром, а в темноте его практически не видно.

* * *

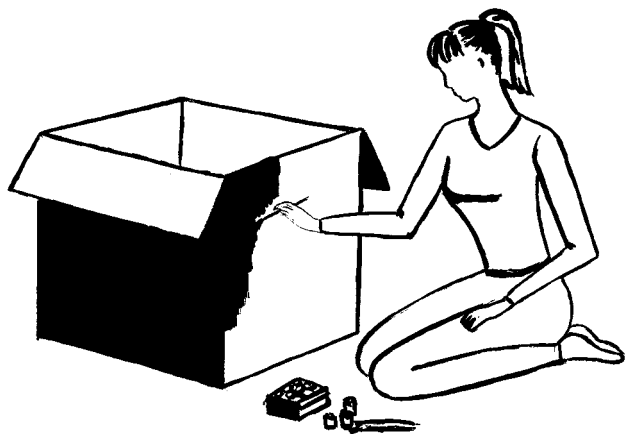
— Привет! У меня к тебе дело!
— Какое? — удивился он.
— Ты можешь побыть моей моделью?

— А что нада делать? — обрадовался Джон.

— Ну, нужно будет надевать на себя коробку, и ходить по подиуму.

Он засмеялся, но всё равно был согласен. Ему было любопытно и приятно, что им интересовались.

Коробка тоже нашлась быстро: старая коробка из-под телевизора, заваливавшаяся на балконе, вполне подошла. Я купила в магазине пять наборов гуаши. Чёрную гуашь они по отдельности не продавали, пришлось вытаскивать из каждого набора по банке. Коробку я красила по частям. Это было несложно.

Больше мороки было с моим костюмом из белого ватмана. Он должен был символизировать белый фон для чёрного квадрата, потому что без фона не было бы и самого квадрата — всё строилось на контрасте. Его я делала в последний момент, как, впрочем, всё у нас всегда и делается.

Это была юбка-трапеция из двух белых ватманов, скреплённых степлером в четыре шва, и топик, который состоял из кусков бумаги, пересекающих друг друга, а в ушах, вместо серёг, у меня были белые ёлочные шарики.

Не смейтесь, вы же не видели остальные модели. Кого там только не было! И девочки, затянутые в магнитные ленты, и абажуры, и кошельки, и вышитая на голубом балахоне картина «Похищение Европы», и столько всего, что и описать невозможно. Главное было создать образ.

Мы с Джоном почему-то мгновенно сразили жюри и прошли два тура. Всего их было три. Большая часть отсеивалась после первого, некоторых отправляли на переделку, а потом в зависимости от изменений отсеивали во втором туре. Финалом должен был стать показ в апреле.

Всё внимание было приковано к Джону. На него смотрели как на что-то необыкновенное и редкое, с удивлением и умилением, навер-

ное, дети смотрят так в зоопарке на обезьяну или другого какого-нибудь диковинного зверя, и толпами бежали с ним фотографироваться.

А Джон стоял в чёрных джинсах и коробке с прорезями и улыбался. Я недавно ездила в колледж и случайно наткнулась на эти фотографии, на них девчонки, со всех сторон облепившие Джона, и он, такой маленький, в середине, ему и было-то всего около четырнадцати. Казалось, он всем был рад, ни с кем не отказывался фотографироваться.

Именно эта моя работа почему-то вспоминается всем до сих пор, а ведь были и другие. Почему? Не знаю. Я в принципе не сделала ничего особенного, я не вязала ночами, не шила, как многие. Наверное, и вправду впечатляют идеи.

* * *

До апреля было ещё много месяцев и сессия. Времени ни на что практически не хватало, всё уходило на учебу. Мы иногда рисовали по пять-шесть часов. На первом курсе нам рисунок поставили как факультатив, и, конечно, добрая половина моих одногруппников регулярно забивала на эти внеурочные, пятые-шестые, пары. А остальные сидели там до поздней ночи и рисовали. Время пролетало незаметно. Мы были голодные, уставшие и счастливые. Наскребали в карманах мелочь, покупали батон хлеба и майонез, а потом резали его на всех канцелярским ножом и намазывали майонез тупым концом карандаша — и было вкусно.

А по воскресеньям я всё так же ездила рисовать к Владимиру Васильевичу, тому самому художнику, который готовил меня к поступлению. Он как раз начал учить меня живописи. В один из таких дней, возвращаясь с занятий, я и встретила Ольгу. Я случайно пошла через рынок, обычно я там не хожу, но мне, видимо, было что-то нужно купить, уже не помню что. Это был небольшой рынок, где в основном торговали приезжие. Не люблю его, там одни кавказцы, со всех сторон только и слышишь: «Дэвушка, Дэвушка...» Они нередко приставали к нам с девчонками, когда мы шли по рынку. И почему-то ничто так не раздражает, как их манера произносить русские слова, их наглость, их шутки, фальшивые улыбки и желание обмануть покупателя. Да, наверное, на всё есть свои причины, им тоже живётся несладко и не все они такие. Но какая-то непонятно откуда взявшаяся неприязнь все равно живёт внутри. Я всегда стараюсь побыстрее проскочить в другую часть рынка или вовсе опускаю глаза и не реагирую на них. И самой от этого всего противно.

Ольгу я увидела случайно. Она стояла за одним из прилавков и продавала корейские салаты. Это их семейный бизнес. Потому что там, на родине, не на что жить. Вот они и приезжают сюда зарабатывать деньги. Это здесь для нас мало, а для них там это много. Оля корейка. Несколько лет назад приехала сюда вместе с родителями и целый год проучилась со мной в одном классе. Мы подружились. Училась она хорошо, всегда была аккуратной и вежливой. Правда, в школе её дразнили, но она не обижалась. Говорила только: «Почему они всё время называют меня китайкой? Китайки они ведь совсем другие: и кожа у них светлая, и лица не такие». Она как-то объясняла мне, как отличить корейцев от китайцев и японцев. А я не помню уже.

Когда приходила ко мне в гости, то обязательно что-нибудь приносила, у них такой обычай. Нельзя ходить в гости без подарка. А мне всякий раз было неудобно.

Потом она уехала, и мы долгое время не виделись. Только письма писали.

У неё в Корее был парень, но жил он в каком-то другом городе, и поэтому они писали друг другу письма. А родители, видимо, были против, у них там с этим строго, как отец сказал, так и будет, и она попросила меня, чтобы этот парень писал на мой адрес. Он писал, а я пересылала ей в своем письме. Вот так мы и переписывались.

Она перестала ему отвечать. А он всё писал. Я не знала, что мне делать, ведь он писал, присылал даже телеграммы и посылки. Оля написала, что выходит замуж. На самом деле ей этого не хотелось, но так решили родители. Она до сих пор хранит его фотографию, а у меня где-то лежат его неотправленные письма. Я как-то спросила её, что с ним стало. Оля, поджав губы, ответила: «Он умер». Тогда я не знала отчего. Теперь знаю, что умер он здесь, в России, его забивали насмерть. Но все это было далеко потом, а когда мы с нею виделись на рынке, они всё ещё писали письма. И я как раз сказала ей, чтобы она зашла и забрала два письма, которые я собиралась ей отправить.

Мы стояли и болтали, как вдруг по всему рынку пронёсся шум. Все спешно складывали и собирали свой товар, закрывали свои лавчонки и сворачивали палатки.

Это были skins. Они редко появляются на этом рынке, так как здесь много милиции и народу. Но именно в тот момент, когда они появились, почему-то ни одного милиционера поблизости не оказалось, и они спокойно громили прилавки и били кавказцев, да и не только.

Их было человек десять — пятнадцать. Мелкая акция, как выяснилось позже. Боевое крещение — или новое посвящение. Раньше они проводили посвящения своих бойцов в лесу: трое били одного — а он должен был выстоять. А теперь проверяют их сразу в действии. Вот и на этот раз один парень стоял в стороне и внимательно смотрел, кто как бьёт.

В тот день посвящали Сашу и ещё несколько таких же, как он.

Саша — мой двоюродный брат. Мы дружили с ним ещё с детского сада. Потом учились в одном классе. Вместе возвращались из школы. Он жил через дорогу от меня. Мы шли через дворы, мимо гаражей и берёзовой аллеи, там была старая заброшенная голубятня и лавочка, на которой мы частенько сидели. А в двух шагах — продуктовый, теперь в нём ночной клуб и мебельный магазин. Я не была там сто лет, а мы с Сашей заходили туда каждый день. И чаще всего мы попадали на обед и сидели на каменных ступеньках, дожидаясь, когда он откроется. А потом покупали фруктовое мороженое за десять тысяч рублей, это ещё тогда, до деноминации. Теперь любое мороженое есть и с белым шоколадом, и с мармеладом, и с печеньем, и с вареньем, а того нашего мороженого уже нет.

А ещё там были жвачки в виде сигарет. Они были дешёвые, китайские и невкусные, но выглядели как настоящие сигареты, и мы их покупали, потому что хотели казаться взрослыми самим себе.

Сашка мне был ближе, чем мой родной брат. А потом постепенно мы как-то отделились друг от друга. Чем взрослее мы становились, тем меньше общались. Вскоре даже видеться перестали, а когда случайно встретились, то кидались друг в друга холодным «Привет» и проходили мимо.

Ему кое-как всё-таки удалось закончить девятый класс. Но дальше учиться он не стал. Это я знала со слов его мамы, и больше ничего о нём не слышала до того момента, как столкнулась с ним на рынке.

На нём была чёрная куртка с нашивкой, чёрные джинсы и гриндерсы, голова — гладко выбрита, так же как и у всех остальных. Я не сразу узнала его в этой массе, только когда мы с ним столкнулись почти лоб в лоб.

Рядом со мной стояла трясущаяся Ольга, ей уже приходилось встречаться со скинами. Однажды она пропала на целую неделю. Я подумала, что она заболела, и пошла к ней, телефона у них тогда не было. Они снимали две комнаты в старом деревянном доме на окраине. Она открыла мне, лицо её было в синяках. Её вместе с

матерью избili скинхеды. Они возвращались с рынка и натолкнулись на них.

Ей было стыдно, что я узнала об этом, она не хотела говорить. Я её успокаивала и старалась делать вид, что всё нормально. А что я ещё могла?!

Саша посмотрел на нас каким-то бешеным взглядом и с силой толкнул нас к выходу:

— Валите отсюда!!!

Нам повезло тогда, мы ушли. Я еле-еле успокоила плачущую Олю, которая всё причитала: «товар», «прилавок», «мама меня убьёт».

То, что было дальше, я видела на плёнке. Прилавки разлетались в один момент, люди смешались в какую-то кашу, какого-то кавказца подожгли — облили бензином и подожгли. Он бежал и кричал. Он горел и пытался упасть. Он превратился в обуглившийся труп.

Они часто так делают. Таких плёнок много. Я смотрю их теперь и нахожу на них Сашу. Я узнаю его каким-то непостижимым образом. Чувствую его, все движения, походку, иногда мне кажется, будто и голос его слышу. Хотя там плохо видно и не совсем понятно, кто и где. Просто толпа, бьющая негра, или кавказцев, или азиатов, или евреев, или самих себя. Они разные, их полно в любой сети, в любом магазине. Зрителя там нет, а он всё это видит своими глазами, на километрах плёнки, на цифровых дисках — отпечаталось всё. Фашисты Третьего рейха тоже любили снимать. Кучи плёнок с трупами, с убийствами.

Думаете, они там? Они здесь.

А впрочем, даже фашистам такой размах и не снился. Техника не стоит на месте.

У меня теперь много времени и плёнок. Есть даже детские. Как мы поём в третьем классе. Все ещё маленькие-премаленькие: девчонки в красивых платьицах с бантами, мальчики в белых рубашках. Саша стоит рядом со мной и старательно открывает рот, он не любил петь, и ему приходилось создавать видимость: «Мы желаем счастья вам, счастья в этом мире большом...» Мы и вправду тогда желали счастья всем.

* * *

Я пишу повесть, а мне всё кажется, что я пишу прошение о помилование в самую высшую инстанцию. Зачем? Да я и не знаю.

Он открыл мне дверь с растерянным видом, не ожидал. Я пришла к нему на следующий день после того, что случилось на рынке. Стояла и смотрела прямо в его испуганные глаза, и сама боялась, и думала, зачем пришла.

— Чего? — спросил Саша.

— Привет! — в растерянности проямлила я.

— Здорово! Ты это... заходи короче, я ща пе-
реоденусь, а то сам только пришёл.

У него джинсы по колено были мокрые, как будто он по сугробам в них лазил. Снег шёл весь день, уже наступила зима. Он ушёл в другую комнату, я осталась в зале.

— Где ты был?

Он не ответил.

У них в квартире было две комнаты. Одна его, другая мамина. Давно я к ним не заходила. Хотя и раньше была нечасто. А тогда мне показалось, что всё вдруг как-то резко изменилось. Вроде те же полки, тот же зелёный диван, тот же стол, только книжки лежат другие: чёрные со свастикой, брошюры какие-то, «Майн Кампф», диски со странной музыкой: «Гастелло», «Циклон Б», «Банда Москвы».

Он стоял в дверном проёме, и при свете на руке хорошо была видна наколка, знаменитые четырнадцать слов: «We must secure the existence of our people and a future for white children» («Мы должны сохранить существование наших людей и будущее для белых детей»).

— Мама видела?

— Видела.

— И что?

— И ничё. Ей-то чё.

— Зачем тебе все это?

— У нас каждый второй уже в стране чурка. Скоро русских в России не останется вообще. Они все рынки оккупировали, все рабочие места заняли, а русские либо за нищенскую зарплату вкалывают, либо вон, в метро валяются на полу. Государству нашему продажному это выгодно. Да уж, конечно, им же выгодней взять каких-нибудь таджиков или чурок без регистрации и платить им копейки, чем какого-нибудь русского. Чем больше нам на это по фигу, тем больше они наглеют. Выселяют наших старух и алкоголиков обманом из квартир, снимают комнаты и живут там всем аулом. У меня в подъезде цыгане всем табором живут, и армяне эти ещё на седьмом. Сколько раз уже милицию вызывали. И чё? Деньги соберут, ментам заплатят и те уходят, а эти потом ещё соседям угрожают. Плодятся как кролики. Видела, вон, во дворе бегают по грядкам, черти мелкие, грязью кидаются в прохожих. Куда ни пойдешь — они повсюду. Я чё-то русской речи уже почти не слышу. Мне уже в моей стране места нет. Твари чернож...ые, задолбали! Надо убивать ублюдков, которые не должны находиться в этой стране! Пусть сваливают отсюда, им здесь не место.

— Но Саша, но ведь не все такие. Нельзя же так. То, что на рынке было, это же ужасно, там люди погибли.

— Они наших ребят убивают каждый день сотнями, просто про это в газетах не пишут, а про убийство какого-нибудь студента-африканца повсюду орать будут. А сколько они наших перебили в Чечне?! Что-то об этом никто не помнит. А сколько наших девчонок изнасиловали?! С ними надо так же, как и они с нами. Они не люди, они твари на двух ногах. Как тараканы, всё ползут и ползут, давить их надо.

— Что с тобой? Что происходит? Ты ведь не был таким. Откуда всё это? Где ты всё это взял?

— Это везде. Просто никто не хочет этого видеть.

В дверь позвонили.

— Максим пришёл! — констатировал он и пошёл открывать дверь.

— Он разве уже вернулся?

— Давно.

Максим служил в Чечне в разведроту, а до этого был болельщиком, ездил вместе с Сашкой на футбол. О нём ходило столько разных слухов, все его боялись.

Впервые я увидела его в спортзале Лестеха. Мой дедушка был мастером спорта по боксу, преподавал в Лесотехническом институте. К нему ходили тренироваться не только студенты.

Вот уже семь лет прошло, как его нет. Удивительно, он почти никогда не болел, а если и случилось слегка простудиться — то лечился только народными средствами; без спорта не мог прожить и дня, всех заставлял делать зарядку.

Последний раз мы с ним виделись за месяц до его смерти. Он страшно исхудал, тяжелее всего ему было лежать. Казалось, что человек сохнет, скукоживается. Будто он стал тенью, сам на себя был не похож. Невозможно понять, невозможно поверить, как пышущий здоровьем человек ни с того ни с сего засыхает и дряхлеет. Я плохо помню, что он сказал мне тогда. Что-то вроде: слушайся маму, береги бабушку, спросил, как дела в школе... Я отвечала, что всё нормально. Мне хотелось уйти, я чувствовала ужас, страх и безысходность. Он смотрел каким-то поразительно глубоким взглядом, как на иконах, строгим, вроде укоряющим, но добрым. И говорил тихо-тихо. Мы проговорили не долго. Пришла бабушка и позвала меня на кухню. Прощаясь, я поцеловала его в лоб, не знаю почему, я в тот момент даже не задумалась. А он сказал бабушке: «Вот видишь, она меня в лоб поцеловала, как покойника, — значит, я скоро умру». Я заплакала. До меня дошло, наконец, что он и вправду умирает, раньше я не осознавала всего этого, думала — обойдётся. Не верила в это.

Но тогда в спортзале дедушка был ещё жив. Мы приходили туда вместе с братом, моим род-

ным братом. Брат тренировался. А я или прыгала со скакалкой, или носилась по залу, а когда никого не было, висела на канатах, огораживающих ринг. Но когда приходил Максим с ребятами, внутри всё словно замирало, и я садилась на лавочку и смотрела на него, словно заворожённая.

Он приходил туда разрабатывать правую руку. После того, как подрался в баре с кавказцами. И чуть живой приполз домой. Он всё это рассказывал мне сам, но уже потом: «Сижу я в баре и вдруг вижу, на парня трое чурок наезжают. Ну, я естественно подхожу разобраться. Что за беспредел — трое на одного. За меня таджики заступаться стали, прикинь. Ну, они видят, что трое одного бьют. Такая драка началась. Люди все разбежались. Одна официантка только осталась, она меня потом водкой протирала, весь в кровище потому что был. Как домой попал, вообще не помню. Мама зашла в комнату, в темноте не видно, вроде лежу сплю, ушла. А отец пришёл чего-то взять, свет зажег и видит у меня свитер весь в крови. У меня свитер был белый. Я его как ни надену, он у меня постоянно весь красный потом, кровь с него просто выжимаю каждый раз. Ну, мама: „Врача надо вызвать“. Ну, я ей сказал, куда я его пошлю, если она вызовет».

Ему попали ножом в шею и, наверное, задели сухожилие, потому что правая рука у него долгое время вообще не двигалась. Но тогда в Лестехе я всего этого не знала. И смотрела на него как на героя детскими глазами.

Он пришёл к Саше в тот день не один, с ним было два парня, оба скины. Один лысый и со светло-голубыми глазами. Не могу написать его имя. И другое подобрать не могу, другое ему не подойдёт. Поэтому пусть он будет просто парнем, ведь он таким и был. Весь вечер рассказывал мне про скинов. Кто они, что они делают — обо всём. Он с таким жаром это говорил, словно был уверен, что совершает что-то праведное и необходимое. На самом же деле он точно даже не знал, как и большинство скинов, откуда произошли скинхеды. Сказал мне, что из Индии. Хотя даже я знаю, что это движение пошло из Англии. Знаю из курса истории. Впрочем, мне, наверное, повезло гораздо больше, чем другим. Мне попался хороший учитель истории, который рассказывал нам про фашизм и показывал фильм Михаила Ромма. Теперь я уже знаю, что другим повезло гораздо меньше.

И, наверное, парень этот в этом не виноват. Он рассказывал, как тренирует новобранцев, что скоро станет оловым. Это происходит с ними через пять лет, а ему оставалось ещё два.

А я всё пыталась понять, как же можно так ненавидеть людей. Как можно их бить просто так, не задумываясь. Он отвечал:

— Они сами нарываються. Сёдня идём часов в двенадцать по переходу, ну, из метро вышли, пацану за джинсами ездили. Я даже не в форме был, вот видишь, — он показал на себя. — У меня бабушка умерла. Мне вообще пофигу было. И тут чурка, короче, к нам подходит. И говорит: «Рэбята, а вы чё — скинхеды?» И нож достаёт из кармана. Я ему: «А ты с какой целью интересуешься?» Он не въезжает ни хрена: «Э, ребята, я же спрашиваю, вы скинхеды?» Я думаю, хрен с ним, на кой он мне сдался, у меня же бабушка умерла. Говорю ему: Нет, мы болельщики!» Он: «А-а! Болельщики, это хорошо, я тоже болею!» Вот сейчас, думаю, надо было ему всё-таки вьёб... А вчера идём, короче, в патруле, и нам попались два кавказца и рэпер. Они, как увидели, сразу давай мотать...

Второй парень был высокого роста и в очках. И запомнился мне больше всего тем, что спросил, знает ли кто-нибудь «Отче наш». Кроме меня и Максима, никто не знал. И он попросил меня написать. Я написала на каком-то обрывке. Он очень благодарил, сказал, что выучит. Его вскоре убили.

Максим почти всё время молчал. Он сидел на корточках и курил. У него были карие глаза, наглая походка и какая-то необыкновенная аура, которая завораживала и притягивала, словно магнит.

Мы сидели в тот вечер у памятника погибшим в Великой Отечественной войне, он прямо во дворе, рядом с детскими качелями и лавочкой — штык, воткнутый в каменную плиту, вокруг которой надпись «Никто не забыт, ничто не забыто». А потом я замерзла, и мы зашли в

подъезд. Сашка побежал в магазин за водкой, до этого они пили пиво. Мы остались с Максимом и ещё двумя скинами. Он рассказывал мне о войне, внимательно разглядывая меня исподлобья, он был в капюшоне и не снимал его весь вечер. У него на затылке пробита голова. Она и так-то не отличалась особой ровностью, но в этом месте череп был проломлен основательно, это от пистолета. Сашка потом скажет мне: «Не понимаю я этих игр с капюшоном, подумаешь, голова пробита». Я промолчу.

— Зачем драться? Что в этом хорошего? Ведь больно же! — спросила я у Максима, когда они провожали меня домой.

— Адреналин. А потом затягивает, — спокойно ответил он, даже не оборачиваясь.

Я тогда не придавала этому значения, ну, скины и скины. Вся московская область ими кишит, да и в других городах их полным-полно. И когда подруга стала меня расспрашивать, где и с кем я была, я отмахнулась:

— С Сашкой и со скинами.

— С какими?

— Ты всё равно не знаешь.

— С Максимом что ли?

— Откуда ты его знаешь?

— Не важно.

— Важно.

— Не могу сказать.

— Ну, где вы с ним познакомились?

— Сказала же, не скажу!

— Через кого хотя бы?

— Всё равно ведь не скажу.

— Замечательно. Тогда я у него спрошу, — рассердилась я.

— Спроси, только он, наверное, не помнит, хотя может, и помнит. Спроси его, что он делал восьмого марта прошлого года.

— А если он не вспомнит, тогда расскажешь?

— Ну, ты спроси сначала.

— Хорошо. Вот придёт и спрошу.

— Придёт? Ты его домой пригласила, что ли?

— Да нет, просто он мне песню обещал принести.

— Какую ещё песню?

— Которую они в армии сочинили.

— И что он тебе про армию рассказывал?

— Да много чего.

— А про то, как уходил оттуда, рассказывал?

— Ну да!

— Почему он оттуда ушёл, не сказал?

— Сказал, что у него двое ребят наступили на растяжки и он их в больницу принёс и там старшего лейтенанта встретил. Про него же забыли просто, поэтому он и служил два с половиной года, документы потеряли. Он уже и сам забил

на это. Ну, лейтенант ему: «Ты чё тут делаешь?» Максим, не отдавая чести: «Служу, блин». Он его домой и отправил.

— А, «ну-ну».

— Что ну-ну? А что, было не так?

— Да нет. Так, наверное. А про свои семь судимостей рассказывал?

— Нет. У него семь судимостей?

— Ты у него спроси! Пусть расскажет! Их, кстати, ещё не посадили?

— Нет. А что, должны были?

— Ну да, в общем. Ты смотри, с ним поосторожнее. Это не те люди, которых стоит домой приглашать.

— Ещё лучше! Может, ты хоть что-нибудь расскажешь?!

— Не могу, это не мне рассказывали. А так он прикольный парень.

— Только странный какой-то.

— Ну, ещё бы.

— Хотя для вернувшегося оттуда, хорошо держится.

— Сколько ему пить для этого пришлось.

— Да он и сейчас пьёт. Только, по-моему, на него уже не действует. Соображает всё прекрасно. Он очень умный. Жалко его, мог бы добиться чего-нибудь.

— Если бы хотел, то добился бы.

— Ну, просто ему в жизни не повезло.

— Он сам это выбрал.

— Я ему сказала, что хочу его понять.

— Он сам себя не понимает, и никто его не понимает, и ты его не поймёшь.

— Мне сон приснился страшный вчера. Как будто мы с ним в какой-то квартире и там много народу: девчонки какие-то, ребята. Мы о чём-то разговаривали, потом он меня обнял и стал целовать. А я ему сказала, что не могу так, что так нельзя, и он куда-то ушёл. Я его ждала, его так и не было, и собралась уходить. Ну, что я буду там делать, если его нет. И тут парень какой-то зашёл, темноволосый и с бородой, гитару принёс. Стал упрашивать меня не уходить, говорил, что Максим скоро придёт. Он пришёл с большой книгой, спрашивал у меня непонятно что. А потом на лестнице кто-то стрелять начал. Максим сказал: «Не бойся, всё хорошо!» — и вышел. Мы сидели с девчонками на диване, дверь открылась медленно, вошёл парень с автоматом, именно как он входил, было как на замедленной съёмке, как остановился в дверях, передёрнул затвор. Я уже поняла, что всё нам крышка, и как-то спокойно так сказала: «Господи, прости» и глаза закрыла. Он стал стрелять в упор очередь. У меня в тот момент столько мыслей одновременно в голове пронеслось всяких разных.

А потом стало тихо. И я первое, что подумала: умерла я или нет, могу я шевелиться или нет, в сознании или нет. Дёрнулась — поняла, что мне попали в правое плечо, такая резкая боль и дышать нечем, а девчонка со мной рядом — на смерть, её всю изрешетило, а ей, наверно, лет пятнадцать было, светленькая такая, она у меня на левом плече лежала. Я всё не верила, как это так он стрелял в упор, а попал только в плечо, с такого расстояния не может быть. Я проснулась, и знаешь, как будто всё, как реально было, на самом деле. Меня весь день потом трясло.

— Какая квартира? Сколько комнат? На чью квартиру похоже?

— Не знаю. Вроде там было две комнаты и коридор длинный. Там был диван в одной комнате и столик журнальный. Ну, может, на твою похоже.

— Да, если без моей комнаты. Я знаю, где это.

— Где?

— Не важно, ты только не вздумай туда ходить, слышишь.

— А что там такое?

— Оружие, наркотики, проститутки, там чего только нет. Их милиция оттуда не раз выводила. Там и перестрелки были, и разборки всякие.

— Что, прям так много всего?

— Да. Только не ходи туда.

— Ладно, это же сон, мало ли что присниться.

* * *

На следующий день мы с Джоном поехали на последний отборочный тур.

В принципе мы могли бы и не ехать, ведь нас уже отобрали. Но Джону хотелось поехать, ему понравилось быть в центре внимания. И вдруг за несколько минут до выхода Джон куда-то пропал. Я металась по всему колледжу и нигде его не находила, пока кто-то не сказал мне, что он на улице курит с Наташей. Наташа, высокая белокурая девушка, это у неё на голубом балахоне был вышит бык, похищающий Европу, но чтобы его было видно, ей приходилось широко разводить руки в стороны, так она и стояла с вытянутыми руками, потому что всем постоянно хотелось посмотреть. Вот и Джону тоже. Я его еле увела, то и дело ругая за то, что он ушёл, не сказав ни слова.

А после показа он подошёл ко мне и, умоляющее вытянув пухлые губы, стал упрашивать меня дать ему Наташин телефон. У него были тёмные глаза, но казались они почему-то очень светлыми и грустными, как пуговицы на игрушечном плюшевом щенке, кажется, что смотрят очень печально. Зато если он улыбался, то всё

его лицо превращалось в одну большую улыбку, и пуговицы глаз становились незаметны. Я обещала, что постараюсь узнать у Наташки номер телефона. На самом деле я его знала, но не знала, хочет ли она, чтобы я сказала его Джону. Джон нравился многим, но встречаться с ним никто не решался. Все в один голос твердили: «Но он же негр».

А Наташка согласилась.

И уже вечером я принёсла ему её номер в автосервис, где он подрабатывал, это недалеко от стадиона, и на тренировки ходить не долго. Они там работали вместе с Лёней.

Джон обрадовался безумно:

— Пасиб! Пасиб! Пасиб! — бесконечно повторял он.

* * *

Этим же вечером позвонил Максим и сказал, что придёт минут через десять. Прошло два часа, в телефоне были только длинные гудки. Я уже решила его не ждать и стала ложиться спать, когда телефон вдруг резко задребезжал.

— Ты куда пропал?

— Да мы подрались тут немножко. Ну, так я зайду или уже поздно?

— Заходи. Что значит подрались? Зачем?

— Да так, ерунда. Возле «Старта» (это такой магазин, рядом с ночным клубом) помахались. Да, пьяные идиоты просто. Кто-то про кого-то что-то сказал, и понеслось, стали разбираться.

— Ага, а ты-то тут причём? Мимо не мог пройти?

— Моих ребят там бьют, а я смотреть, что ли, буду?!

Я вздохнула.

— С тобой хоть всё в порядке?

— Да, со мной-то всё нормально. Сейчас приду.

Через пять минут он сидел передо мной и настраивал гитару. Такой же резкий, как и в тот раз, в куртке, только уже без капюшона, он всегда так делал: обувь снимал, а куртку нет. И быстрыми карими глазами рассматривал мою синюю комнату. На двух стенах были облака, потолок — тёмно-синий, а когда выключался свет, то на нём светились звёзды, подоконник тоже синий, другие две стены — светло-голубые. Я всё это придумала сама.

— Прикольно у тебя тут. А знаешь, вон те облака похожи на поле боя. — Он указал на стену. — Видишь?

Я не видела, но кивнула.

Максим всё время был грустным, где-то глубоко внутри, и вместе с тем весёлым, шутил, анекдоты рассказывал. Он улыбался так, как улыбаются грудные дети, радостно и удивлённо, а на щеках у него были ямочки. Он всегда думал о чём-то своём и иногда даже не слышал меня и переспрашивал. Временами становился серьёзным и любил мне что-нибудь рассказывать. А рассказывал он всегда, спрашивая:

— А знаешь, почему Бог помог спастись Ною?

— Ну, наверное, потому, что он верил.

— Нет, потому что он один мог его слышать. Больше никто не мог.

И довольный собой, он продолжал меня спрашивать о чём-то другом, ему интересном:

— Почему нигде не описывается детство Христа? Где он был всё это время?

— Как где? Рос, учился, плотничал.

— Да нет, что конкретно он делал, там же не написано, — расстраивался он.

— Людям помогал, — предполагала я.

— Н-да, Христос вообще хороший был, — вздыхая, добавлял Максим.

— А, правда, что у тебя семь сроков? — неожиданно смело спросила я.

— Семь статей.

— За что?

— За угон.

— Ты машину угнал?

— Да, три.

— Три машины? Когда ты успел?

— Да это ещё до армии было. Пьяный был, скучно было. Пошёл на стоянку...

— Это в Леонидовке?

— Да. Ну, понравилась мне машина, взял покататься. Охраннику морду набил и поехал. Ну, и магнитолы оттуда с собой прихватил.

— Зачем?

— Ну, так просто, как трофей. Ребятам отдал, чтоб загнали. Знаешь, кто купил? — он улыбнулся. — Мой брат. У меня дома обыск, а я ни сном, ни духом.

Я засмеялась.

— Я, кстати, знаю, кто меня сдал. Парнишка там один, больше некому было. Я с ним потом поговорил. У меня на суде все смеялись просто до слёз, мне судья даже сказал: «Чё ты „газель“ какую-то угнал? Нет бы „мерседес“ какой-нибудь и по Ярославке прокатился!» Я, говорю, в следующий раз так и сделаю.

— И как же тебя не посадили?

— Деньги творят чудеса. Но я сейчас чистый, все мои дела сожгли после армии.

— Ты поэтому в армию пошёл?

— Ну, отчасти да.

— А как это... убивать людей? Что чувствуешь?

— Да ничего, просто либо ты, либо тебя.

— И сколько ты убил?

— Не знаю, я не считал.

— Ну, примерно?

— Человек сорок.

— На войне?

— Не только.

— Ты здесь убивал?

— Да, — потушился он.

— Зачем?

— Выбора не было.

— Выбор есть всегда.

— Ну, да. Или он меня убьёт, или я его. Первый вариант меня как-то не устраивал.

— Зачем вообще драться?

— Не могу же я смотреть, как моих людей убивают. Вот сейчас даже боюсь драться, боюсь, что убью нечаянно.

— Они тебе снились?

— Раньше да. Снились иногда.

— И ты не боялся?

— Нет. Чего бояться мертвых? Бояться надо живых.

— Я не понимаю, почему обязательно надо бить кого-то просто так.

— Почему просто так? Просто так никто никогда не бьёт. Я за справедливость. Всегда надо сказать, за что ты бьёшь. И когда все на одного, это тоже неправильно, надо выбирать равносильного соперника, нельзя бить тех, кто слабее.

— Скажешь, ты в армии духов не бил?

— Бил, но только за дело. Один раз чуть духа своего не убил. Удар не рассчитал, он об стенку головой и лежит в отключке. Вот это я был в шоке. Это ж ведь сразу трибунал. Но он ничего, очухался. Я ему: «Ты всё понял?» Кивнул. А так наоборот, защищал их.

— А тебя били?

— Били. Нам как-то вообще одних чурок прислали. А они, как вместе собираются, это всё. И как-то ночью меня будят: «Э, Максим, пойдём в туалет поговорим!» Я захожу, они стоят человек пятнадцать. А там пацан один видел, что я с ними пошёл. И Мазика разбудил. А Мазик, служил со мной парень, у него брат чемпион мира по бодибилдингу, да и сам здоровый, у него один кулак размером с мою голову. Ну, он пошёл, быстро с ними разобрался. И их потом разослали по разным частям.

— У тебя ранения были?

— Было в ногу навывлет. Повезло, я даже ходил, хромал только немножко.

Он потом покажет мне это ранение на правой ноге — большой ровный белый круг и чуть ниже неровный шрам от выхода. Он почему-то не хотел рассказывать про это. Я знаю только, что его вынес старший прапорщик. Максим говорил, что он был не за звёздочки, а за солдат. И больше ничего.

На нём вообще не было живого места. Руки у него были изрезаны, оттого что перехватывал нож прямо за лезвие, один раз вену так разрезал. Пальцы все перебиты. У него удивительно длинные пальцы по сравнению с ладонью.

Запястья в ожогах от автомата. На шее шрам, на лбу тоже. Про голову и говорить нечего. На остальных местах наколки. Крест на ноге. Он сказал, что наколол его после того, как чуть не задушил одну девушку случайно. Я так долго его расспрашивала об этом, он нехотя, но отвечал:

— Это давно было, молодой был, глупый, сейчас бы, конечно, я так не сделал.

— За что?

— Да, говорила всякие вещи нехорошие, матом ругалась. А мы же все крутые тогда были. Я ей пощёчину и дал. Так, что у неё сережки из ушей повывлетали. Я даже сам не ожидал. Ну и потом она чего-то опять меня вывела. Я её душить начал, сам не помню даже как. Мне Колобок руки разжал.

— Слава богу.

— Да, ещё не известно. Она сейчас наркоманка, беременная ходит, парня своего с зоны ждёт. Может, мир бы от неё избавил.

— Это не тебе решать.

На левой руке у него был наколот демон, это из Чечни. Он говорил, что все ребята в его роте,

кто с ним служил, делали себе такую наколку. А рядом с ней была чёрная пантера, но это уже просто так. На пальцах полустёршаяся свастика, это ещё из детства, из фанатского прошлого. Раньше все скинхеды были болельщиками, а теперь как-то отделились. На спине, возле самой шеи метка, похожая на круглую монету с узором внутри. Я спросила:

— А это зачем?

— Для снайпера, чтобы сразу насмерть.

— Опять ты прикалываешься?

— Нет. Я серьёзно, я всегда серьёзный, даже в зеркало себе не улыбаюсь никогда.

Впрочем, я не знаю, пошутил он или это на самом деле так. С ним сложно. И нестерпимо больно за него. Хочется взять и отогреть его, отогреть навсегда, на всю жизнь, чтобы он больше никого не бил, чтобы был счастлив. Вы никогда не поймёте, как мне было его жалко. Вы же не знаете, как он вздрагивает, когда спит. И говорит отрывками непонятное: «они Витю гранатами обвязали, он выполз», «Автомат перегрелся», «Там растяжка». А когда я бужу его и переспрашиваю: «Какой Витя?», «Какая растяжка?», «Что случилось?» — он и сам не знает. Так говорит: «Приснилось что-то». Я прижимаю его к себе крепко-крепко, и тогда он не вздрагивает, тогда он спит спокойно.

— А что ты ещё в армии делал? — не унималась я и смотрела на него во все глаза.

— Да что? Ничего особенного. Форму продавал связистам.

— Как это?

— Да так, была лишняя, вот и продавали в соседнюю часть связистам. Звоню, спрашиваю: «Бушлаты нужны?» Они: «Нужны». — «Сколько?» — «Восемь». — «Ну, по двести забирай». У меня вообще свой отдельный кабинет был и еда. Я если вижу, кто голодный ходит, говорю: иди сюда. Спрашиваю: есть хочешь? Кто хотел я со всеми делился, у меня и печенье было, и колбаса, чего только не было.

— Откуда?

— Хм... откуда... Это ж война. А там, кто мародёрничает. Мы вообще сотовыми телефонами кидались, там их до фига было. А кто и наживается на этом на всём. Кому-то это выгодно. Наше же правительство им и платило, и оружие поставляло, чтобы они нас убивали. У нас рация двадцать киллограм, а у них лёгкая спутниковая. Нам сообщают, что их человек десять, а их там сто. Семь ребят у меня там убили, хорошо ещё рядом были десантники, человек пятнадцать, но там один — как за три, пришли, помогли нам.

— А какое у тебя звание?

— Маленькое. Был старшим, а потом к де-вушке в гости сходил и сразу стал младшим сер-жантом.

— Как это?

— Да так. Была у меня там девушка, врачом работала. Вот я к ней и зашёл. Просыпаюсь, смотрю — семь часов, а мне в пять на плацу нужно было быть. Так вот сразу и «повысили» на несколько званий. — С улыбкой ответил он.

— А тебя сюда, домой, отпускали?

— Да, было пару раз. Тоже история была. Еду я обратно, выхожу в тамбур курить, а голова трещит, ну, сама понимаешь. А там два пацана к какой-то девке пристают. Мне всё равно, только бы не шумели, голова раскалывается. Я им и говорю: «Вы бы шли в другой вагон». Они мне: «Чего?!». Пока я одного бил, второй мне фингал успел поставить, а это ж всё, замполит увидит, хана. Ну, я их положил там, и девушка ко мне пришла: «Спасибо вам, спасибо». Я: «Да иди ты, спасибо». У меня синяк здоровенный, часа два потом замазывали.

— Когда ты вернулся?

— Да где-то полгода назад. Вернулся с меда-лями, берет в поезде подарил кому-то, не помню. А это же уважение, берет подарить. Приехал на Ярославский вокзал, а ночь, электрички уже не ходят, в кармане только стольник. Ну, я до ВДНХ на метро еле успел, там машину поймал. До Мытищ, говорю, довезёшь? Он мне: «За двести». Там парень ещё был, ему в Королёв на-до было. Мы с ним скинулись по сотне и доеха-ли до поста. Так вот я и вернулся.

— Кстати, спросить хотела. Откуда ты Лизу знаешь?

— Кого? — он прищурился, он так делал всег-да, когда ему было что-либо непонятно.

— Вот! — я взяла фотографию со стола, где мы с Лизой стоим обнявшись. — Эту девушку знаешь? Она говорит, вы в прошлом году вось-мого марта познакомились. Спрашивала, пом-нишь ты её или нет.

— Дай-ка сюда. — Он потянулся к фотогра-фии. И рассмотрев получше, сказал: — А, Лизу, да, помню, конечно. Мы как-то ночевали у неё пьяные с Сашкой. (Сашка — это парень одной нашей подруги, а Максим его друг.) После дра-ки. Там такая драка была, у меня вся одежда в крови. Лиза мне майку дала. Она у меня до сих пор где-то дома лежит, как топик такая, — он провёл линию под грудью.

— Ясно, — успокоилась я.

Он столько раз уже мог умереть. И в детстве, когда наглотался таблеток и провёл неделю без сознания, и когда болел, и когда был на войне, и когда дрался. А он живой. У него давление, с ко-

торым не живут, а он живой. Я его как-то спро-сила:

— Если ты до сих пор жив, значит, ты здесь зачём-то очень нужен. Зачем?

— Я людям помогаю. Я ангел.

— Ангел?

— Падший. Знаешь, падшие ангелы скитают-ся по земле, потому что их ни вниз, ни наверх не пускают. Так и бродят неприкаянные. Все люди ангелы.

В тот вечер он играл на гитаре и пел песню, которую сам сочинил. Когда я теперь слушаю эту песню на кассете, то не могу не плакать.

Пел и другую:

Привет сестрёнка,

Моя родная, ну как дела?

Наверно, к дому зима дороги все замела.

А солнце светит над Гудермесом в лучах зари,
Ты только маме, что я в Чечне, не говори...

Он много чего пел. Он тогда ещё всё это пом-нил. Мы проговорили с ним до пяти утра. Я ни-когда и ни с кем так увлечённо и непрерывно не разговаривала. А потом он отрубился. Сидел и вдруг ни с того ни с сего заснул, как телевизор, который просто взяли и выключили. И я ничего не могла с ним поделаться, пыталась хотя бы по-ложить его на подушку, но мне это оказалось не по силам, так он и спал сидя. А я в соседней комнате ворочалась и не могла заснуть. Вспо-минала его в спортзале тогда, сто лет назад, ког-да он виделся мне героем, казался недосягае-мым. И каким он был теперь передо мной, род-ным, спящим, близким. Я верила в его душу, верила, что вытащить его могу только я. Отче-го-то мне казалось, что вот никто не смог, а я смогу, именно я.

* * *

Утром он проснулся, выпил кофе и ушёл. Сказал: «Я не прощаюсь». А я поехала на учебу.

И на последней паре совершенно неожиданно пришёл Джон. Оказалось, он пришёл позиро-вать, вернее его попросила Наташа. С натурщи-ками всегда проблема. Если это простые набро-ски, то позируют все по очереди, а если это по-становка, надо кого-то звать или нанимать, то есть платить деньги, а это дорого. Поэтому Джон оказался очень кстати, тем более что с мужскими фигурами у нас было сложно. Аполлона из гипса и Вову, единственного мальчика в нашей группе, мы уже сто раз перерисовали. Странно, но Джон выдержал полтора часа практически без отдыха, а это тяжело — сидеть почти два часа неподвиж-но, и всё это время он смотрел на Наташу. Потом

он поехал её провожать. Она живёт в Монино, и мы обычно вместе ждали электричку на станции «Северянин», это в двух остановках от колледжа. Только вот я садилась на любую, в Мытищах ведь все останавливаются, а Наташа обычно стояла очень долго, электрички до Монино ходят редко. Вот и в этот раз я уехала, а они с Джоном остались стоять.

* * *

Максим появился только через неделю вместе с Сашей.

— Вы где были?

— Да в Питер ездили!

— Зачем?

— Да так, надо было разобраться кое с кем!

Отвечал только Максим, Саша стоял с угрюмым видом и держал руки за спиной.

— Чего ты не сказал, что поедешь в Питер?

— Да я и сам не знал. Друга провожал, выпили — заснул. Проснулся в Питере, без документов, вообще без всего, от ментов еле смотались, а обратно вообще на попутках добирались.

— Вы зайдёте? — спросила я, открывая дверь в квартиру, всё это время мы стояли на лестнице.

— Не, я сейчас побегу по делам, надо дачи ребятам собрать, Сашка у тебя посидит пока. Потом зайду.

— Что за дачи?

— Передачи в тюрьму ребятам.

— Каким ребятам?

— Да Серёге там с Лёхой. Ты чё, не знаешь Серёгу посадили.

Его посадили за знаменитый Царицынский погром, в котором участвовало около трёхсот скинхедов, восемьдесят человек пострадало, четверо погибли. Это было громкое дело, по телевизору долго показывали, все рассуждали — зачем, почему, отчего. Про Серёгу столько всего понаписали и понарасказывали, что когда я теперь читаю или смотрю всё это, то невольно улыбаюсь. И мне хочется им всем сказать: «Да вы же не знаете, вы же ничего не знаете!» Только никто меня не слышит. Они говорят, что он скином-то никогда и не был, что учился неплохо, пирожные вкусные делал. А тут вдруг раз, никто и не ожидал, он скином оказался и человека убил.

Он был скинхедом чуть ли не с четырнадцати лет и участвовал во многих погромах. Когда его забрали, у него уже была подписка о невыезде, и все прекрасно об этом знали. В кулинарном техникуме, в котором учился, он появлялся нечасто, предпочитал ездить на выезды. Почему же все так удивились? Может, людям проще за-

крывать на все это глаза, и говорить, что они не видели и не знали...

Я помню его ещё с тех пор, когда он был флёрщиком у нас на дискотеке. Как-то мы их встретили случайно, и он ко мне начал приставать, так вроде бы, в шутку, обнять пытался, а у него в заднем кармане лежала целая стопка флэров, получил только что, я их вытащила, от ветра они разлетелись и кружились в воздухе, как снег. Я убежала, он кричал, что оторвёт мне голову. Может, он этого уже не помнит, это было давно. Но, когда я смотрела плёнки о Царицынском погроме, случайно увидела его. Он там такой мальчишка. Посадили только четверых, один отделался условным. Остальные вроде как просто мимо проходили.

— Всё-таки посадили? А почему только их?

— Потому что их прямо с трупов сняли. Да ладно, всего-то три года, а то и меньше. Ерунда. Всё, мне бежать надо, а то я Андрюхе денег дал вчера, чтобы он купить всё съездил, а он их пропил, прикинь. Пойду ему в морду дам.

— Не надо никого бить!

— Ага, конечно, по головке его погладить за это, что ли. На тебе ещё денег, иди пропивай дальше. Что это за дела? Он у меня получит ща.

Максим ушёл.

Саша молча смотрел на меня.

— Заходи!

Он прошёл и сел на диван, видимо забыв спрятать руки. От ужаса и неожиданности я прижалась к стене и не могла шевельнуться. У Саши не было указательного пальца на левой руке. Жалкий обрубок был перемотан бинтом. Он сообразил, что я заметила, и снова убрал руку за спину.

— Что случилось? — оцепенело спросила я.

— Чурки суки! — огрызнулся он.

— За что?

— За то, что я скин!

Он замолчал, смотрел на меня потухшими глазами, и больно становилось от этого взгляда. Слёзы сами собой потекли из глаз, и я трусливо, сначала боясь даже дотронуться до него, прижалась к нему.

Я потом всё выспрашивала у Максима, как да что. Он говорил, что они вдвоем случайно на них наткнулись, что их было пятеро, что это он, наверное, не доглядел, что потом он нашёл этих тварей, что... Дальше слушать я уже не могла.

* * *

Джон почти каждый день ждал и провожал Наташу, приносил ей цветы и подарки, и они счастливые, обнявшись, шли вместе. И так не-

обычно всё это выглядело: белокурая, белолицая девушка и чёрный, как горький шоколад, парень, а кругом белый-пребелый российский снег.

Мы смотрели им в след с завистью и удивлением. Никто не ожидал такого от Джона, ему и шестнадцати-то не было, и за всю свою короткую жизнь его интересовал-то лишь футбол, а к девчонкам он относился... Ну, как все мальчишки его возраста относятся к девчонкам? Никакими романтическими поступками он не отличался, да парень как парень, разве что чересчур загорелый. А тут как будто подменили.

От Наташи наоборот, наверное, именно этого и ждали. Такая она была вся странная, загадочная и туманная. Говорила как-то невпопад, на своём каком-то языке. Так-то с виду обычная симпатичная девушка, а как скажет чего-нибудь, и всё, и сразу ничего не понятно. Нет, конечно, она так говорила не всегда, но были моменты. Одним словом, сложная девушка.

Как они сошлись, до сих пор не понимаю. Хотя всякое случалось. Сказать, что они не ссорились, я не могу. Бывало такое. Но скорее обижалась Наташа, а Джон просил прощения.

Но мне показалось, что они действительно любили. Впрочем, кто же это знает?

* * *

Максим всё также приходил ко мне, и мы разговаривали.

Пока однажды не проснулись в обнимку.

Я проснулась оттого, что он меня целовал. Целовал безумно ласково, еле касаясь щёк губами, как будто прижигал йодом царапины — очень нежно и осторожно, тихонько-тихонько, боясь разбудить меня. Он ничего не говорил, а я думала, что у него это несерьёзно.

Мы засыпали вместе, он грел меня, он был ужасно горячий, как печка, а я вечно мёрзла. У него были очень сильные руки, и, когда он обнимал меня, я уже не могла пошевелиться, но было так спокойно, что, казалось, никто меня никогда не сможет обидеть.

Мы смотрели с ним фильмы, он любил кино, мог часами его смотреть, всё подряд, ему было интересно. Может быть, это заменяло ему книги и недостаток образования. Институт он не закончил, учился в армии, уж не знаю чему. Максим много всего знал, и в особенности любил историю, всегда жадно меня слушал, когда я рассказывала ему про всякие древности. Он говорил, что хотел бы быть археологом.

Он тогда снова стал заниматься кикбоксингом и заходил ко мне после тренировок. Мы

разговаривали, я кормила его бутербродами с чаем, хотя это и било по моему самолюбию, у меня тогда был такой принцип: не готовить ни за что и никогда, но ему я не могла сказать «нет», а потом ложились спать. И опять не спали всю ночь, опять разговаривали, опять целовались.

Меня спрашивали:

— И ты встречаешься с этим зверем?

— Нет, он не зверь.

— Ты просто не видела его в деле, головы летят только так.

— И не хочу. Он изменится. Он больше не будет этого делать. Я буду с ним, я помогу ему.

Я верила в это, и, казалось, тогда никто не смог бы разубедить меня в этом, я бы скорее поверила, что земля плоская.

Он писал и звонил мне в день по несколько раз.

А я каждый день боялась, что он уйдёт и не вернётся, и от этого целовала его ещё сильнее, как в последний раз, словно больше не успею.

Как-то он задержался часа на два, нет, он позвонил, предупредил, сказал как всегда: «Я по делам». Но мне всё равно было беспокойно. Я же ждала его каждую секунду и от этого двадцать раз перерисовывала домашнее задание. Но когда он вошёл, я сидела молча, не двигалась, не бежала к нему. Я подождала пока он, как обычно, покурит на лестнице, разуется и в куртке войдёт в комнату, а я ему скажу привычное: «Иди, повесь». И он пойдёт её вешать. Вернётся и посмотрит на меня своими карими глазами, и я забуду, и как я злилась, и как ждала.

— Где ты был? — также ровно спросила я.

— На сбор скинов ездил!

— А ты скин?

— Да, только с волосами! Видишь?! — Он провёл по волосам и улыбнулся.

— Зачем ездил?

— Так, поболтать, узнать, у кого как дела, кто спился, кто чем занимается, короче. Там скингёрлз приезжали, бабский фронт то есть, подмосковные наши банды все были, московские тоже, антифаки...

— Антифаки — это «ред скинс», с красными шнурками, что ли? Они же против вас?!

— Не, это наши скины, которые к антифакам внедрились и всех их главных перемочили. А сначала никто же не знал, что они нормальные. Свой же их били. Их ненавидели, но они заслужили уважение. Прикинь — такой ход придумать, да?!

— И что вы там обсуждали?

— Почему чурок так много живых ещё ходит. Мочить их надо.

— Я понимаю, за что ты чурок ненавидишь, это всё из-за войны. А негры, реперы, таджики, евреи и прочие. Их-то за что?

— За всё хорошее! Потому что не фига им тут делать. Пусть к себе обратно едут.

— Но у них там ни работы, ничего, им же тоже надо как-то жить.

— А это их проблемы.

— Я всё равно не понимаю, откуда берётся эта ненависть?

— У всех по-разному. Вот Тесака знаешь?

— Нет.

— Ну, парень, который всякие прикольные ролики про скинов снимает. Ребят тренирует, кстати, хорошо тренирует, он мастер спорта по боксу.

— А, знаю, да.

— Так вот, у него чурки девушку убили. Он поэтому таким стал.

* * *

Саша тоже стал ещё злее после того случая в Питере. Мне временами казалось, что он ненавидит всех и даже меня. Но потом он отходил и улыбался, трескались льдинки в глазах, и он смотрел на меня своим бесприютным взглядом, добрым, родным и в то же время каким-то брошенным. У него всегда был такой взгляд.

Он постоянно тренировался, не пропускал ни одной тренировки. Их готовят, как в армии, может, даже лучше. Впрочем, они и есть действующая армия. У одной только РНЕ армия в несколько тысяч подготовленных бойцов, в остальных организациях тоже не мало. И с каждым годом их всё больше.

Помимо тренировок, Саша чуть ли не каждую неделю ездил на выезды. Он мечтал о белых шнурках, а их имеют право носить на ботинках только те скины, которые убили много людей и с особой жестокостью. Я раньше думала, что их все могут носить в знак их движения «White power». Но Максим спросил меня: «Много ли ты видела скинов с белыми шнурками?» Их действительно было не много. Он объяснил почему.

За один только тот год погромы прокатились по всей Москве и Подмоскovie, кто же считал единичные убийства. В остальное время они патрулировали улицы. Сашка тогда совсем одержимый стал. Казалось, его ничего больше не волновало в этой жизни. Говорить с ним об этом было бесполезно, он даже не слушал. Поэтому я говорила Максиму:

— Он же ещё сам не понимает, что делает!

— Да. Прав был Бог — люди сами друг друга переубивают, даже не надо никаких катастроф, — уже засыпая, спокойно отвечал он.

* * *

Мне говорили, что Максим изменился в последние время: пить бросил, спокойнее стал, весёлый ходит — это и в самом деле было так. Хотя про нас он мне ничего так и не говорил. А я всё пыталась выспросить у него:

— Как ты ко мне относишься?

— Хорошо.

— Нет, ну что ты про меня думаешь?

— Ничего плохого.

— У тебя много было женщин?

Он кивал.

— Сколько?

— Не знаю.

— Ну, интересно просто, скажи?

— Ну, в учебке, в Саратове, было четыре девушки.

— А ещё?

Он пробурчал что-то невнятное. Всем своим видом показывая, что ему этот вопрос не нравится.

— А в армии? Вы пили бром? — снова приставала я.

— Если бы мы пили бром, нас бы всех давно поубивали.

— А как же тогда?

— В самоволку уходили.

— Как это?

— А вот так! — он щёлкнул меня по носу.

Меня это сначала ужасно злило, и я в ответ старалась ухватить его за нос, а он уворачивался. Он всегда так делал, ему почему-то это нравилось. Я спрашивала почему, он говорил: «Потому что у меня такого носа нет!» Ему ломали нос пять раз, и он сам его вправлял карандашом, а одна стенка внутри была смещена, но так это было незаметно, просто нос был очень мягкий.

— Ну, поговори со мной! — продолжала допытываться я.

— Говорю.

— Нет, ты спишь.

— Не сплю.

В доказательство он прижимал меня к себе и целовал.

— Ты меня не любишь. Для тебя всё это не серьёзно.

— Откуда ты знаешь? — он говорил это очень серьёзным голосом.

И я не знала, что ответить. Но не унималась, всё хотела услышать.

— Кого-то же ты любишь? Кого?

— Что? — переспросил он.

— Кого ты любишь?

И просто и не задумываясь ответил:

— Тебя.

Услышала, и стало страшно.

— Максим?

— А?

— Чего ты больше всего боишься?

Он задумался.

— Себя, наверное. Боюсь, что убью кого-нибудь нечаянно. А ты?

— Многого, почти всего. Даже тараканов.

— Почему?

— Не знаю. Наверное, потому, что, когда я была совсем маленькой, мы летом жили на даче. Дом был деревянный, и там были такие жуки древесные, очень похожие на тараканов, они ползали по потолку и падали на мою кровать. Мама накрывала меня тюлем, но они всё равно падали. Я больше никого не боюсь, ни мышей, ни лягушек, ни пауков.

— Не люблю пауков. Мне как-то приснилось, что я иду по второй школе и со всех сторон на меня ползут пауки.

— Знаешь, что это значит?

— Нет. Потом уже в соннике посмотрел. Пауки значат врагов. Видишь сколько у меня врагов. Но я их передавил там хорошо.

— А какая у тебя группа крови?

— Не знаю.

— Как это?! Ты же был на войне, вам должны были сказать.

— Обычно группу крови в военнике ставят. А нам не ставили, потому что мы разведчики. Пропадёт кто или умрет — никто не найдет. Коммуны мы на хрен нужны были.

Мне хотелось знать о нём всё, и поэтому я всё спрашивала и спрашивала.

— Ты в Мытищах родился?

— Нет, на Украине, но записали, что в Мытищах. Я, когда родился, четыре пятьсот весил, у мамы тазовые кости разошлись, когда она рожала.

— Намучалась, наверное, с тобой.

— Не, я был тихим, не говорил ничего. Помню, как-то заболел, и у меня температура была больше сорока, ну, я, ни слова не говоря, лёг на лавочку в детском саду, там такие домики были, и лежал... И чувствую: я весь горю, ногу больно... (это он вспомнил своё ранение в ногу, он часто так переключался ни с того ни с сего): Галлюцинации всякие начались... по мне табун белых лошадей скакал и топтал меня...

— Ну, тебе же должны были наркоз сделать?!

— Какой там наркоз? Сто грамм водки и весь наркоз.

* * *

Я вспоминаю теперь очень хорошо каждую нашу ночь. Все подробности, даже мелкие разговоры — всё. Я настолько привыкла, что он приходит, что не могла без него заснуть. Мама сначала ругалась и кричала, но потом и она привыкла. Он был, как привидение: приходил поздно ночью и уходил рано утром.

— Да, кстати, сёдня чё у нас? — обычно спрашивал он у меня, проснувшись.

— Понедельник. А что?

— Да мне к тётке ещё съездить надо в Королёв.

— Зачем?

— Да она в коммуналке живёт и у неё соседи там чурки, обижают её, ведут себя плохо. Просила приехать, поговорить.

— Поговорить? — недоверчиво переспросила я.

— Объяснить, что да как. Потом ещё в одно место заскочить надо.

— В какое?

— Там просто постоять с парнем надо, пока он разговаривать будет.

— Опять драться, — с досадой пробормотала я.

— Чего ты всё боишься?

— Вдруг с тобой что-нибудь случится. Вдруг тебя убьют.

— Не убьют.

— Ты не боишься смерти?

— Смерти не надо бояться. У меня бабушке девяносто лет. Я после армии когда приехал, знаешь, что она мне сказала?! Лучше бы ты мне смерть привёз! Так жить уже надоело, всё болит. А сколько она всего видела. Вот, прикинь. Все мы когда-нибудь умрём.

Он достал сигарету.

— Опять куришь?! Вредно! — рассердилась я.

— А умирать здоровым не хочется.

Он поцеловал меня и вышел на лестницу.

* * *

Учёба не то чтобы совсем перестала меня интересовать, нет, просто и мысли, и время были заняты другим. Я не знаю почему, но мне ещё труднее что-то делать, если я влюбилась. Для других это стимул, а я не могу совсем ничего. Рисую бездушно, не думая, почти не глядя, и мне всё равно. Я забыла обо всём, даже о времени, и, если бы не Наташа, я бы и не вспомнила, что скоро показ.

Мы репетировали в актовом зале. В основном все переодевались в спортзале, коридор от

него вёл прямо к выходу на сцену. Но в маленьких гримёрках тоже ютились люди. Оттуда доносилось только что-то вроде: «Девчонки, есть у кого расчёска?... Дай... Держи... Вот здесь одной рукой... Ай-яй, не отпускай...»

Девушке в розовом платье из папье-маше раскрашивали золотой краской лицо. На Галю прилепляли карты, кубики и куски рулетки — её модель называлась «Казино».

Оля была вся в какой-то синей плёнке. Вроде она говорила, что её модель — снежная королева. Но я сейчас уже могу ошибаться. Может, путаю с каким-нибудь другим показом, столько их было всяких.

У Вики открытое платье из блестящего ёлочного дождя, и она стесняется и закрывается. Видя это, все нарочно просят её показаться — она отворачивается, стараясь стать незаметной.

На Алине топ из карточных мастей: спереди символ чёрных пик, сзади красное сердце, знак червей. Она, напротив, гордо демонстрирует его всем.

Настя завернулась в огромный кошелёк, видны были только ноги и лицо. И что самое интересное, её модель называлась «Пустой кошелёк».

Другая девочка вместо юбки надела колокол и все на ней казалось медно-золотым.

Девчонки поменяли местами джинсовые брюки и куртку, потом, правда, кто-то стащил у них идею в свою коллекцию.

Катя украсила голову абажуром от старинного торшера, и я не знаю, как она шла. Видела она чего-нибудь или нет. Наверное, ей было примерно так же, как когда-то Тамаре в октябре босиком идти по асфальту. А она шла и, представляете, улыбалась.

Мне скрепили юбку степлером прямо на мне, иначе было невозможно.

Нервничала я ужасно: всё-таки первый показ на сцене, хоть и предварительный. Руки тряслись, ноги подкашивались, все тело дрожало. И вроде умом понимаешь, что это всего лишь показ, что всего-то и надо выйти на сцену, а смотришь на эту сцену — и ноги не двигаются с места, и речь пропадает. Больше всего я боялась, что буду краснеть. Я всегда краснею, когда волнуюсь. А ведь я должна быть белым-белым фоном для чёрного квадрата.

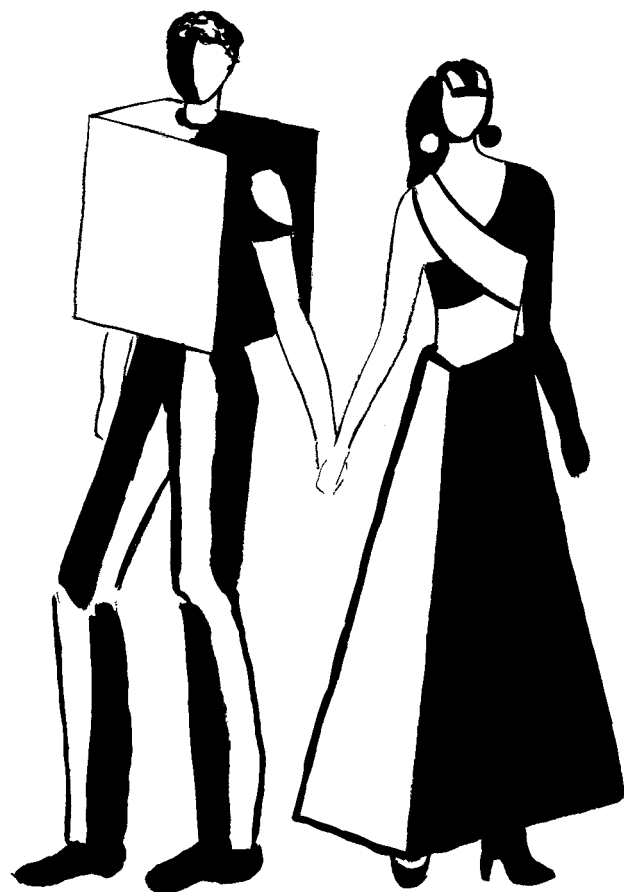
Не знаю, нервничал ли Джон? Он ничего не говорил, да и я так переживала сама, что на него не обратила внимания. Всё-таки ему легче, он не краснеет.

На сцену вела маленькая железная лесенка из пяти ступенек, она выходила из гримёрной. Джону пришлось поднимать меня на сцену на

руках, потому что сгибать ноги в моей бумажной юбке было невозможно.

Мы должны были идти за девушкой, изображавшей Алёнку с картины Васнецова, у неё был камень на шее, перед ней были ещё люди, и я с ужасом и нетерпением отсчитывала, сколько осталось.

Спуститься на язык — как его называют модели — это подиум, я тоже не смогла. Поэтому мы просто постояли на сцене, держась за руки, и сделали по ней круг как могли, с невероятно искренними для сцены улыбками.

Когда я смотрю это теперь на кассете, то понимаю, что мы слишком мало постояли. Чересчур перенервничали, и хотелось оттуда бежать подальше, и от этого мы ушли со сцены не в ту сторону. Надо было вернуться туда, откуда мы заходили, а мы оказались с обратной стороны. Спускаться там было некуда, вернуться обратно мы тоже не могли, ещё раз проходить через зрительный зал было неудобно. За декорациями стояла парта, преграждавшая путь, через неё то мы и перелезали, и не только мы, несколько человек пошли за нами.

После того как мы выбрались. Джон сразу же пошёл к Наташе. И мне было даже обидно, я едва не плакала, а они, не замечая меня, обнимались.

Это был последний раз, когда я видела их вместе.

Он говорил:

— Я лублу тэбя, Наташа!

И они целовались. На них смотрели во все глаза, но Наташа не обращала внимания.

Она говорила, что Джон очень добрый и ласковый, отзывчивый, что русские парни такими не бывают, я спорила с ней.

В электричке, на обратной дороге, он рассказывал про машины, про автосервис, мечтал, что у него когда-нибудь будет свой.

* * *

Мы должны были встретиться через два дня на показе.

Кругом все суетились. Люди стекались к актовому залу. Кто-то настраивал камеру, кто-то музыку, кто-то проверял микрофон. В коридорах толпились полуголые девушки. Ребята с факкультета рекламы снимали их на камеру. Они кричали: «Не надо». И отворачивались к стене.

Нам уже раздали номера. Мы шли в третьей номинации восьмым номером. И я сидела на лавочке, зажав в ладони бумажку с номером, и ждала. И все как назло ежеминутно спрашивали меня: «Ну что?», «Ну как?», «Не приехал?». Надежды становилось всё меньше.

Стало ясно, что он не придёт, а я всё ждала. Я прождала два часа, показ уже начался. А потом зазвонил телефон, это была Наташа, которая тоже не пришла.

— Джон... умер! — сказала она сдавленным голосом.

Она уже не плакала, но говорила в нос и задыхалась.

— Когда? Где? Почему? — не понимая, зататорила я.

Внутри как будто что-то треснуло и оглушило меня.

— Вчера в больнице. Его скины избили, представляешь, ночью... — Слова её прерывались рыданиями — ...Он ехал от меня, я ему говорила, чтобы не ехал. А он ... он сказал, что доедет на последней электричке... на последней... Я же говорила... — И она захлёбывалась от слёз.

Я не могла сказать ни слова, губы будто склеились, а язык прилип к нёбу.

— У него кровоизлияние в мозг... ему трепанацию делали... — изо всех сил пытаюсь успокоиться, говорила она. — ...Эти сволочи... Они у него на голове прыгали в гриндерах... Слышишь.

— Ты где? — каким-то не своим голосом, спросила я.

— Я... мы... брат его приходил в морг... у него даже родителей здесь нет...

— Я сейчас к тебе приеду!

Мне пришлось пробиваться сквозь толпу разукрашенных и разодетых в самые немислимые одежды людей, показ был в самом разгаре и всё: крошечные примерки, спортзал, коридор — было усеяно людьми. Они все были нескончаемы и мелькали у меня перед глазами дьявольским маскарадом, а я всё никак не могла протиснуться к выходу.

* * *

Наташа плакала, я плакала вместе с ней. И отгоняла от себя мысли о том, что это мог быть Саша. «Ну почему обязательно он, мало ли у нас в Мытищах скинхедов?» — успокаивала себя я. Маленькая надежда ещё оставалась до тех пор, пока не пришёл Максим.

Я не ждала его, но он пришёл. Весь мокрый, на улице был сильный дождь.

— Чего ты так долго? — не глядя на него, почти машинально спросила я.

— Сашку забрали, он в КПЗ сидит, вещи ему относил, его же одежда на экспертизе.

Было такое чувство, что в меня резко воткнули нож, предсказуемый и от этого ещё более неожиданный. Словно кто-то долго замахивался и наконец ударил. А я, всё ещё не веря, задыхаясь, спрашиваю:

— За что?

— Дурак потому что... Вчера обезьяну на мосту били... на БАМе... а тут патруль мимо ехал. Ну, все врассыпную, короче... а Сашку зацепили. Чё ему вдарило?.. На себя всё взял... Сказал, что это он его замочил, а пацаны просто попинали... Да его в жизни никто бы не посадил, тем более за одного-то негра. Менты бы его сами выпустили... на хрена он им сдался, тут таких драк каждый день сто штук... А он придурок упёрся и всё тут... Теперь они, конечно, ещё что-нибудь на него будут пытаться повесить.

Я даже плакать не могла, был какой-то шок, непонимание. Казалось, это дурной сон, страшный, но сон.

— Саша? Господи, зачем? Зачем было его бить, он ведь ничего не сделал, он просто шёл домой. — то ли кричала, то ли рыдала я.

— Ага, не сделал. Тем, что сюда приехал и живёт здесь, уже сделал. Сидел бы там у себя.

Он был ужасно злой, его как будто трясло от злости. А от моих вопросов он злился ещё больше.

«Это ты?!» — пронеслось у меня в голове, а я, не заметив, сказала это вслух.

— Что я? — словно не понял он.

Я молчала. У меня не было ни слов, ни мыслей. Внутри все сжалось. Перед глазами стояла одна и та же картинка. Мне представлялось, как они его бьют. Всего-то несколько минут и чело- века нет. А они радовались, я даже знаю, что ра- довались. Это совсем обычное дело, это почти что подвиг для них. И «скорая», наша самая медленная «скорая» в мире, всегда приезжает, чтобы спасти труп.

— Чего ты так смотришь, как будто убить ме- ня хочешь? — испугался он.

Попытался меня обнять. Я отскочила к стен- ке и прижалась к холодному подоконнику.

Меня будто разорвали на куски, на сотни мелких кусочков. И они в беспорядке разлете- лись вокруг, а меня больше не было. Я уже ни- чего не ощущала и не понимала. Входная дверь захлопнулась, а я всё стояла, прислонившись к окну, и передо мной была только чёрная ночная пустота, ни одной звезды, ни огонька. Пустота.

Я уже не плакала, слёзы сами собой беззвуч- но текли у меня из глаз целый день. Я разгова- ривала, шла по улице, ела, а они всё текли, как кровь из раны. Мне не хотелось рисовать боль- ше никогда, но я рисовала. Сама не знаю что, ру- ки рисовали без меня, всё подряд: какой-то срубленный лес и чёрную поляну, каких-то пла- чущих детей... А может, и вовсе не это. Я рисо- вала сангином, не красками. И потому всё было только чёрно-белым, пустым, безжизненным, только контуром, только наброском.

Банка с чёрной тушью упала и залила все мои наброски и ковёр. У нас тогда была графика. Мы делали всякие эффекты. Сыпали соль на краску и получались узоры, писали свечкой и закрашивали краской — и надпись проявлялась сквозь неё, окунали расчёску в тушь — выходи- ли полосы, оставляли отпечатки пальцев, стави- ли точки...

А я залила всё это чёрной тушью.

* * *

Мне вручили грамоту за первое место без Джона. Они же не знали, не знали, что его боль- ше нет.

А я не знала, что мне делать с ней, с этой бу- магой с непонятными росписями чужих людей и большим российским гербом от Союза дизай- неров.

Наверное, Джон был бы рад, наверное, сказал бы своё «Пасибо» и улыбался. Теперь не скажет.

Перед показом выпускников в июне меня спрашивали:

— Как твой друг? Он сможет приехать на по- каз?

Я ведь им тогда так и не сказала, что с ним случилось на самом деле. Сказала, что заболел.

Я помотала головой.

— Жалко. А как он — учиться у нас не хочет? Нам такие очень нужны.

Я опять помотала головой. И ушла.

Наташа изменилась, как-то ожесточилась внутри себя, она как будто объявила всем вой- ну. Она не знала — ни про Максима, ни про Са- шу. А я так и не смогла ей сказать.

* * *

Саша не хотел, чтобы я приезжала, но потом как-то неожиданно согласился.

Он изменился, прежнего Саши уже не было. Он будто постарел лет на десять, худой, с про- зрачными, бесцветными, злыми глазами.

Он почти не смотрел на меня, больше куда- то в пол, и хмурился всё время, и сжался весь словно от холода, будто я ему чужая совсем и он меня впервые видит.

— Как ты тут? — глупо спросила я.

— Нормально, — не разжимая губ, ответил он и закашлялся.

— Зачем ты это сделал?

— Зачем ты приехала? — он резанул меня блеклым взглядом серых глаз, точно бритвой.

Я не удержалась и расплакалась.

Он сидел неподвижно и через некоторое вре- мя, то ли смягчившись, то ли желая прервать мои слёзы, спросил:

— Как там пацаны?

— Также. На Арбате недавно устроили пог- ром, в метро тоже избили реперов, штаб Трудо- вой России разгромили, убивают. И никого не посадили. Хотя ты, наверное, и так всё это зна- ешь, что я тебе рассказываю? Ты же с ними об- щаешься, они тебя ждут, приехать обещали, привезти тебе всего. Мне Славка сказал, видела его в электричке... Неужели тебе всё равно? Не- ужели ты не жалеешь?

— Нет!

— И ты к ним вернуться собираешься?

— Должен же кто-то мочить этих тварей, — невозмутимо ответил он. — Кого-нибудь ещё видела?

Он, наверное, хотел спросить про Макса.

Максим пропал, вернее, перестал приходить. Сначала он звонил почти каждый день, говорил, что вот сегодня-то точно обязательно зайдёт и не приходил, а потом и звонить перестал. Я слы- шала, что он теперь по вечерам ходит на пло- щадь, что у него там новая компания и вроде бы девушка или девушки, а мне он врал, что у него дела. Он снова начал пить, сильно пить.

Саша словно угадал мои мысли. На самом деле я не знаю, почему он тогда мне это сказал. Его уже повели, как вдруг неожиданно он обернулся и крикнул:

— Он тебе врёт, он всё тебе врал...

Через неделю Сашу выпустили, а ещё через неделю его убили, пырнули ножом в драке прямо в сердце.

Я так чётко смогла представить смерть Джона, но Сашину почему-то не могу. Даже сейчас, когда у меня есть эти страшные плёнки. И я видела, как убивали Джона. Я смотрела эту запись и вздрагивала. Били его, а мне казалось, что бьют меня. Знаете, он даже не пытался сопротивляться, видимо, понял, что бесполезно.

Есть плёнка и с Сашинной смертью. Но я так и не увидела, кто и как его убил. Там такая толпа, ничего непонятно, видела только, как он лежал на земле. Я видела его глаза, его испуганные детские глаза. Почему их никто не закрыл? Разве он мог убивать? Мог кто-то другой, но не он.

А я всё никак не могла поверить, я и сейчас не верю, что его больше нет. И не понимаю, зачем и кому всё это нужно.

На похоронах было много народу, чуть ли не все Мытищи были, а Максима не было. Он так и не пришёл.

В тот день, когда он исчез, мне приснился странный сон. Будто я провожаю его на вокзале и знаю, что он никогда больше не вернётся, прощаюсь с ним и даю ему обратный билет. Помню, я ещё подумала, зачем ему обратный билет, если он уже никогда не вернётся. А он его взял.

Я знала, что он не придёт, и всё равно ждала его. Я жду его даже теперь.

* * *

После похорон кто-то попросил меня забрать Сашины вещи (в последнее время он жил у одного парня, тоже скинхеда). Даже не помню кто, я согласилась пойти туда со Славой, его другом, он сказал, что отведёт. Это было в старом доме, который стоял на отшибе, вокруг него все дома были сожжены, от них остались только обуглившиеся каркасы, там обитали бомжи и наркоманы, тут же у шоссе толпились проститутки.

Это рядом с церковью, а через дорогу Лосинный остров. Дом был двухэтажный. Внизу — две комнаты, одна из которых закрыта. В прихожей навалены какие-то коробки, ящики и совсем темно. Комната почти пустая. У окна стоял стол, на нём компьютер и какие-то книги, рядом несколько стульев, на стене висел большой красный флаг со свастикой, прямо напротив

входной двери — чёрный диван, на нём сидело двое скинхедов с пивом в руках. Увидев нас, они резко встали и поздоровались со Славой. Скинсы обычно здороваются, не пожимая ладони, а обхватывая друг другу руки чуть ниже локтя.

Слава сказал, что Сашкин хлам где-то на чердаке, и полез за ним наверх. Мне казалось, что всё это происходит не со мной, и потому мне всё было совершенно безразлично. Как будто кто-то сыграл с нами в какую-то нелепую игру. И мы в этой игре ничего так и не смогли решить. Всё решил кто-то другой, решил, что Саши больше нет, решил, что больше нет ничего.

И в этот самый момент я увидела того, кого уже не ожидала увидеть никогда, я увидела Максима. Он вошёл в комнату, как входил сотни раз в мою. Как ни в чём не бывало, словно просто выходил покурить. И виновато посмотрел на меня.

«Прощаешь ты или нет?»

Он не сказал этого, он не сказал ничего, но мне показалось, что хотел сказать именно это. Он словно бы ждал чего-то от меня.

Большая чёрная туча заволокла всё небо, поднялся сильный ветер и за окном стало темнее ночи. А потом вдруг раздался глухой удар, словно обрушилась самая высокая в мире гора, полоснули блестящие молнии и откуда-то полились автоматные очереди.

Я не знаю, кто начал стрелять. Я зажмурила глаза. Мне было страшно. Совсем не так, как в том сне, подумать я так и не успела ни о чём. Максим заслонил меня своим телом...

Всё стихло, и пошёл крупный бесцветный дождь.

* * *

Мне часто снится Саша. Иногда мне снится, как мы идём с ним через двор давно-давно, ещё в детстве. И он говорит: «Давай на перегонки до большого дуба?!» И с бешеной скоростью несётся. А я, едва опомнившись, за ним.

Нет больше этого дуба — его срубили.

Саш, твой самый большой дуб срубили. Слышишь, Саш?! Хотя тебе, наверное, это уже всё равно.

А иногда мне снится, что ты говоришь со мной.

— А помнишь, чего ты больше всего хотела?

Я мотаю головой, разве могу я помнить.

— А я помню, больше всего на свете ты хотела рисовать. Помнишь, ты говорила, что можешь нарисовать всё на свете, и нарисуешь людям счастье, и они будут счастливы.

— Бред, мне было тогда... А сколько мне было?

— Помнишь, я сломал свою любимую машинку. Мама говорила, что её мне подарил отец. Это была неправда, конечно, но я в это верил и поэтому она была моей самой любимой игрушкой. А когда она сломалась, я ревел на весь детский сад. А ты сказала: «Саша, не плачь, я нарисую тебе новую». И стала рисовать её красным карандашом. У тебя тогда не получались машинки, но я перестал плакать.

— Не помню, когда же это было?

— Давно.

— Да, давно. Я больше не хочу рисовать.

И вдруг голос пропал, а остался только воющий ветер, и я стою на пыльной дороге одна. И словно бы всё это мне почудилось.

А ещё мне снится один мальчик. Ему, наверное, лет десять, может, чуть меньше. Он идёт на электричку поздно ночью. Его окружает толпа футбольных фанатов:

— За какую команду болеешь?

— Ни за какую я не болею, — говорит мальчик и хочет идти дальше.

Но кольцо вокруг него смыкается. Уже совсем темно и поблизости нет никого. Хотя, если и шли бы мимо люди, разве стали бы они вмешиваться. У нас давно все проходят мимо, пуливно опуская глаза.

Этого мальчика звали Максим.

Но чаще всего мне снится темнота. Такая чёрная и бесконечная. Я боюсь её и стараюсь проснуться, но у меня не получается.

* * *

Я видела солдат третьей мировой, я всматривалась в их лица и узнавала в них своих вчерашних одноклассников, друзей, знакомых. Я посмотрела море плёнок, но когда-нибудь они все кончаются одинаково: экран превращается в чёрный квадрат и наступает тишина.

Рисунки автора.

